

Мила Дуглас

Соленый ветер
Де Баркарес

Мила Дуглас

Соленый ветер Ле Баркарес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72278644

SelfPub; 2025

Аннотация

После тяжелой утраты Аня сбегает из серого Петербурга к лазурному морю Ле Баркареса.

Шесть месяцев в старом доме у воды – шанс начать все заново, победить давние страхи и обрести новый дом. Но соленый ветер приносит не только свободу, а и встречу с угрюмым соседом, чьи тайны так же глубоки, как море за окном.

Сможет ли Аня почувствовать вкус жизни, когда каждый шаг к воде – битва с собственной бездной, а тихий дом хранит непрошенные истории?

Содержание

Глава 1: Баркарес. Июльский вздох.	4
Глава 2: Пиксели и дыхание страха	11
Глава 3: Незванный хозяин и его рыжая тень	19
Глава 4: Шепот и запертая дверь.	30
Глава 5: Тень на песке	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мила Дуглас

Соленый ветер

Ле Баркарес

Глава 1: Баркарес. Июльский вздох.

Жара ударила в лицо, как пар от кипящей воды. Водитель помог достать чемоданы из прохладного салона такси. А я втянула в легкие средиземноморский воздух. Боже, этот воздух! Густой, тягучий, пропитанный терпким ароматом раскаленных пальм и соленой остротой моря. Соль щипала губы, мгновенно оседала на коже, стягивая её. Я зажмурилась и вдохнула полной грудью. Первый глоток Ле Баркареса – лечащий бальзам и острый укол одновременно.

– Живи. Почувствуй снова вкус жизни, – слова прозвучали во мне ощущением. Я открыла глаза.

Море. Нестерпимое, слепящее синее. Оно играло всеми гранями синевы. В чистом виде морская бесконечность. Далекий вал поднимался синей стеной, пока гребень не рассыпался пенным кружевом у самых ног купальщиков. Шипе-

ние. Шуршащий отлив. Ритм древнее самого времени. Солнце било в упор, превращая поверхность моря в колышущееся поле жидкого золота в гранях сапфира. Миллиарды бликов плясали, уводя взгляд к зыбкой черте горизонта. Глубокий гул водной массы обрушился на меня, вибрируя в костях, – вечный монолог стихии.

Эта сияющая гладь у берега обманчива. Я знала. Шагни глубже – и холодные струи обовьют лодыжки с цепкостью, обещающей больше. А там... там синева сгущалась до чернильной, становилась тяжелой, бездонной, буквально вытаскивая тебя на картины Айвазовского. Там таились глубины, где свет гаснет. Прекрасные. Равнодушные. Я чувствовала, как подкатывает знакомый холодок страха, пробегая мурашками по спине. Глубина. Она была здесь, физически ощутимая. Моя старая спутница, вернувшаяся с удвоенной силой после... Я отвела взгляд, уцепившись за берег. Белые домики – кубики сахара, зелень кедров и пальм, буйство бугенвиллий. Средиземноморская идиллия из маминых книг.

– Как мы мечтали сюда вместе, мам..., – щелчок в сознании. Запах больничного антисептика, лекарств и безнадежности перебил соль и песок. Хоспис. Тиканье часов. Ее рука в моей – легкая, уже почти невесомая, как пучок сухих прутиков:

– Анечка... не плачь... Больно, ох как больно...

Леденящая беспомощность. Я не могла остановить неизбежное. Только держать эту хрупкую руку, слушать редкий

ритм дыхания. И тогда, в самый черный миг, внутри шелкнуло. Жестко. Окончательно: жить. Так отчаянно жить!

Мама угаала в феврале, под вой метели. А я... Продиралась сквозь бумаги, продавала нашу квартиру, покупала билеты с тремя пересадками. Одна. Потому что терять было нечего. Потому что жизнь у меня одна. И потому что ее последний шепот, уже на грани тишины, жгли меня раскаленными углями: «Живи, Аня. Чувствуй жизнь. Радуйся... каждой секунде... Перестань бояться... Помнишь, как ты боялась глубины в детстве, после того случая? Не дай страху снова украсть у тебя море...».

Именно это привело меня сюда. В Ле Баркарес. На шесть месяцев. Временное пристанище, пока ищущий свой дом на этой земле, купленный на деньги от нашей с мамы квартиры. И противостоять главному страху. Тому, что вернулся, как тень горя. Боязни глубины. Талассофобия¹. Мама знала. Помнила тот ужас, как я наглоталась воды, когда меня спасли из моря. И велела перестать бояться.

Я повернулась к дому, тяжело вздохнув. «Дом для отдыха на берегу Средиземного моря» – гласило объявление. Небольшой, белоснежный, с терракотовой черепицей и синими ставнями. Но время и солнце оставили следы: облупившаяся штукатурка, перекошенные ставни, сад, превра-

¹ Талассофобия – постоянный сильный страх перед глубокими водоёмами, такими как море, океаны, бассейны и озёра. Не следует путать с гидрофобией – страхом воды как таковой.

тившийся в джунгли из дикого винограда и колючек. Запустение. Как будто дом затаился в ожидании.

Тень у калитки шевельнулась. Агент, мсье Рено, маленький, юркий, с вечно влажным лбом, подошел, улыбаясь слишком широко.

– Мадмуазель Анна! Bienvenue! Прекрасный день для заселения!

Он суетливо вручил тяжелый старомодный ключ.

– Вот. Прекрасного отдыха! Вода, свет – подключены. Газ... плита газовая, баллон нужно заправить, хозяин поможет...

Я кивала, оглядывая дом, густые заросли, скрывающие соседний участок. Влажные ладони вытерла о джинсы.

– Спасибо, мсье Рено.

Он замялся, покопался в портфеле.

– Ах да... Вторая половина дома... она занята. Хозяином. Мсье Этьен Дюран.

Рено нервно оглянулся на заросли, понизил голос.

– Он... редко появляется. Почти всегда на своей верфи или в море. Ночью бывает, но редко. Очень... тихий. Незаметный. Так что не беспокойтесь!

Риелтор махнул рукой, но его глаза избегали моих, а в голосе сквозила натянутость. Что это предостережение? Или просто дискомфорт от жары?

– Хорошо, – ответила я, стараясь быть спокойнее, чем себя чувствовала внутри.

Хозяин редко появляется. Значит, буду одна. По-настоящему. Это должно было помочь. Но его слова и этот беглый взгляд оставили не пустоту, а щемящее чувство настороженности. Ощущение, что за буйной стеной зелени скрывается не просто стена, а чье-то молчаливое присутствие.

Риелтор уехал. Пыль от «пежо» осела на раскаленный асфальт. Я осталась одна. Ключ холодно упирался в ладонь. Шум моря, приглушенный зарослями, накатывал ровным гулом. Жара обволакивала. Запахи цветов, соли, пыли, нагретой листвы... и едва уловимый, горьковатый дымок? Я обернулась – никого. Наверное, показалось.

Я подняла голову, глядя сквозь плющ на ослепительную синеву неба.

– Вот я и здесь, мам. Начало. Шесть месяцев.

Шесть месяцев, чтобы найти новый дом... и себя. В сумке пальцы нащупали гладкий холодок. Я вытащила маленькую сувенирную тарелочку – ярко-синее море, желтая лодочка, неуклюжие рыбаки. Отсюда, из Баркареса. Десять лет назад, Electrobeach Festival², песок в волосах, басы, смешивающиеся с прибоем. Потом – домой, к маме.

– Посмотри, мам! Море там... живое!

Она взяла тарелочку, ее глаза светились детским любопытством.

– Как красиво, Анечка. Надо будет нам туда обязательно.

² Ежегодный июльский фестиваль электронной танцевальной музыки, проходящий в парке Порт-Баркареса, Франция.

Вместе.

Но приливная волна болезни уже накатила на мамин берег...

Сейчас я сжимала тарелочку, ощущая как края вдавливаются в ладонь.

Ее слова. Мой маяк: «Перестань бояться жить».

Я вставила ключ в скрипучую дверь. Щелчок. В первое мгновение меня окутал запах затхлости, пыли, закрытых помещений. Я шагнула в полумрак своих комнат. И уже почувствовала прохладу, пахнущую старой древесиной. Оставила вещи в небольшом холле и прошла к распахнутым французским окнам на террасу.

И снова – оно. Море. Теперь ближе, ярче, еще глубже. Оно заполнило проем, как живая, дышащая картина. Шум стал отчетливее: шелест приливной волны, грохот гальки под ней. Я вышла на общую террасу. Солнце жгло плиты. Внизу, за олеандрами и диким инжиром, виднелась узкая тропинка к пляжу. К моему испытанию глубиной.

Сердце забилося чаще, предательски сжалось горло. Я прижала мамину тарелочку к груди, туда, где горели ее слова:

– Чувствуй жизнь. Радуйся. Будь смелее, Анечка!

Я смотрела на бездонную, манящую и ужасающую синеву. Первый шаг сделан. Я приехала. Теперь – следующий. Самый страшный. Шаг к воде. Ради нее. Ради себя. Ради нового дома у этого моря, которое нужно было заново приручить.

Ветерок с моря донес свежесть, смешанную с теплом. Он коснулся лица, как легкое, невесомое перышко. Я вдохнула. Соль. Песок. Море. И страх. Но где-то под ним, едва различимо, пробивалось что-то новое. Упрямое. Как росток сквозь камень.

Я сделала шаг с террасы на раскаленный песок тропинки. Один. Потом другой. Навстречу синему гиганту. И в этот момент из-за густой стены олеандров, отделяющих участок мсье Дюрана, донесся тихий, но отчетливый скрип – будто отворили ставню.

Я замерла. Не одна?

Начиналось лето в Ле Баркаресе. Начиналась битва с бездной. Внутренней. И, возможно, не только с ней.

Глава 2: Пиксели и дыхание страха

Первые дни для меня превратились в «пыльный» марафон: шкафы, вывернутые наизнанку, терраса, выскобленная до первозданной плитки, комнаты, открытые для сквозняков вместо привычной для них затхлости. Физическая работа была благословенным наркозом, заглушавшим зов синевы за окном. Я занавесила окна плотной тканью – не наглухо, оставив щель для света, но достаточно, чтобы не видеть синюю громадину целиком. Вид на буйную стену зелени, скрывающую соседнюю половину дома, был безопаснее. Хотя иногда... иногда оттуда доносился приглушенный стук – металл о дерево или металл о металл. Краткий, отрывистый. Как будто кто-то что-то чинил. Хозяин? Мысль заставляла сердце сжаться.

– Старый дом с призраком? – мама бы оценила мою мысль.

Потом пришло время главной причины моего бегства-шанса. Моушн-дизайн клипа для Worakls³ и оформление видеодорожки для Electrobeach Festival.⁴ Ирония судьбы обжигала: клипы с морскими мотивами. Музыка, где синтезаторы переливались, как волны, а басы гудели, как подвод-

³ Worakls – французский диджей и электронный музыкант

⁴ Ежегодный июльский фестиваль электронной танцевальной музыки, проходящий в парке Порт-Баркареса, Франция.

ные течения. Я боролась за этот заказ, потому что чувствовала эту музыку кожей еще до того, как страх снова сомкнул свои ледяные клешни. Это был мой билет в новую жизнь – шанс заявить о себе в Европе, начать все заново, жить там, где хочу, а не там, где могу. Не просто дизайн – искусство. Воздух для задыхающейся души.

Я погрузилась с головой. На графическом планшете рождались абстрактные формы: светящиеся медузы, переливы подводного солнца, динамика, передающая мощь и нежность океана. Wogakls звучал на повторе, становясь частью моего дыхания. Я забывала. Была художником. Творила жизнь. И в этот момент из-за стены, за зеленой завесой, донесся тот же стук. Металлический, уверенный. Я вздрогнула, линия на экране поплыла.

– Золотые руки, – мелькнула мысль. Но чьи?

Но море было рядом. Оно напоминало о себе гулким прибоем. Соленым ветром, пробивающимся сквозь щель в занавеске. Навязчивым шепотом:

– А что, если выйти? Просто подойти?

Однажды утром, после ночи, когда на экране ожили косяки светящихся рыб, я почувствовала прилив странной, хрупкой смелости. Солнце лилось золотом. Воздух искрился.

– Живи. Чувствуй. Перестань бояться. – Мамин голос звучал отчетливо.

Я отодвинула стул, встала. Сердце забило тревожный набат. Я проигнорировала его. Прошла через террасу, мимо

планшета с созданным кадром. Спустилась в сад. Заросшая тропинка вилась вниз. Шаги стали тяжелыми, ноги вязли в невидимой трясине. Запах соли густел. Гул прибоя превращался в рокот.

И тут оно накрыло. Не волна. Память. Яркая, жесткая, выворачивающая.

Детство. Жара. Другое море. 14 лет. Яркий купальник. Горячий песок. Мама на полотенце, улыбка сквозь усталость: «Иди, Анечка, покупайся!» Робко по колено. Ласковая вода. Подруга Алиса зовет глубже. Шаг. Еще шаг. И – ОНО. Волна-хищник сбоку. Подсечка. Опрокидывание. Холодный, темно-зеленый мрак. Соленая агония в носу, во рту. Песок, бьющий в лицо. Слепая паника. Барахтанье в бездне. Не могу встать! Где верх? Мама! Темнота. Холод. Ощущение брошенности. Никто не видит! Умру здесь, одна! Спасатель. Мама, бегущая в ужасе. Рыдания. Стыд. Ужас, въевшийся в кости. Чуть не умерла. И мамины руки, дрожащие, но крепкие, вытирающие слезы, воду и песок со щек... «Все хорошо, солнышко, все хорошо, я рядом...» Но хорошо не стало. Никогда.

Сейчас я стояла на тропинке, метрах в пятидесяти от воды. Но чувствовала все то же. Холодный пот по спине. Сердце – бешеный ритм в груди. Дыхание – рваные, хриплые вздохи. Ноги – ватные столбы. Перед глазами – темные пятна. Темнота. Холод. Никто не видит. Стыд. Ужас. Чуть не умерла тогда... а теперь мамы нет... И все началось заново.

– Нет! – хриплый вопль вырвался наружу. Я развернулась, бросилась бежать обратно, не оглядываясь. Запыхавшаяся, дрожащая, ворвалась в гостиную, захлопнула дверь, прислонилась к ней спиной, как к щиту от вторжения. В ушах звенело.

Что всегда мне помогало забыться – работа. Надо было зарыться в пиксели. Я рухнула в кресло. Но экран, сиявший жизнью, теперь был чужим. Морские формы обрели зловещие очертания. Бездна. Та самая.

Я схватила черный карандаш. Почти исписанный. Нашла крафт-бумагу и начала рисовать. Не море Wogakls. Я рисовала свое море. Черное. Беспросветное. Штормовое. Яростные мазки рождали хаос волн-поглотителей. Бездну, уходящую в ничто. В центре – крошечная фигурка, затягивающаяся черной воронкой. Я рисовала страх. Темноту, живущую во мне. Кошмар, вернувшийся с новой силой после потери мамы, моей главной защиты. Когда лист наполнился черной бурей, я отшвырнула карандаш. Он покатился, оставляя следы. Рисунок был криком. Ужасным. Безнадежным.

Отчаяние накатило, густое, липкое. Клип о море? Ирония. Я не смогу передать стихию, потому что для меня она – враг. Не смогу работать. Не смогу жить. Проиграла.

Слезы гнева и беспомощности жгли глаза. Я смахнула их тыльной стороной ладони, оставив черную полосу. Надо было двигаться. Иначе съест заживо.

И вспомнился запах. Теплый, сладкий, успокаивающий.

Мамино миндальное печенье.

– Когда на душе скребут кошки, замеси тесто, Анечка. Руки заняты – голова отдыхает.

Я нашла в своих запасах яйца, сахар, соль, миндальную муку (купленную у улыбчивой мадам Фабр в крошечном *épicerie* на углу, там пахло оливками и свежим горячим хлебом). Месила тесто яростно, вкладывая в него фрустрацию, страх. Раскатывала, вырезала звездочки и полумесяцы (как мама), раскладывала на противне. Запах из духовки был бальзамом. Дом наполнился теплом и памятью.

Пока печенье золотилось, я заметила у границы участков, возле олеандров, свежий отпечаток – четкий след грубого подметка ботинка, гораздо крупнее моего. Сердце сжалось. Он был здесь. Совсем недавно. Призрак оставил след.

Печенье остыло. Я разложила его на тарелку. Не для себя. Идея родилась сама: угостить соседей. Узнать о месте. О людях. О нем.

Первая остановка – дом напротив. Пожилые Клеманы. Их патио под виноградной лозой благоухало лавандой и жасмином. Мадам Клеман, в цветастом платье, усадила за столик, налила мятно-лимонного сиропа с ледяной водой. Мсье Клеман, в соломенной шляпе, угощался печеньем с одобрительным мычанием. Говорили о жаре, моей работе, о делах в России и надолго ли я приехала, о том, как их маленький Баркарес иногда страдает от наплыва толп туристов. После того, как я рассказала о своей французской школе в Петербурге,

решила пришло время откровений.

– А ваш дом... такой уютный.

Решила сделать глоток лимонада для смелости.

– Риелтор, мсье Рено говорил, вторая половина... занята хозяином? Этьеном Дюраном? Он редко бывает?

Мадам Клеман обменялась быстрым взглядом с мужем. Мсье Клеман снял шляпу, вытер лоб.

– Ах, Этьен, да..., – вздохнул он.

– Местный. Родился здесь. Его отец держал верфь, знаете? Славную. Чинил дорогие яхты, строил. Этьен унаследовал. Золотые руки! Все мог починить, собрать... Нарасхват был.

– Был? – уловила я прошедшее время.

Старушка поправила солнцезащитные очки.

– Да... было дело. Но потом... трагедия. Несколько лет назад. На верфи. Пожар...

Она махнула рукой, не желая вдаваться.

– Верфь закрылась. Теперь он... мастер на все руки. Чинит лодки, моторы, заборы. Выезжает по заказу. Надежен. Но давно замкнутый...

– Какой? – сердце замерло.

– Другой, – тихо сказал мсье Клеман.

– Тихий. Замкнутый. Как устрица в раковине. Редко его видим. Почти призрак. В мастерской, в доме своем или в море. Не беспокойтесь, мадемуазель Анна, не потревожит.

Мадам Клеман кивнула, но в ее глазах читалось что-то еще – жалость или настороженность?

Призрак. Золотые руки. Трагедия. Сам не свой. Обрывки фраз крутились в голове, когда я шла обратно с пустой тарелкой. Человек, сломанный потерей. Как я. Его бездна была видимой – сгоревшая верфь, умершее дело. Или что-то еще? Клеманы не стали откровенничать до конца. Моя же боль – скрыта под синей гладью и в глубине души. Но чувство было одним: холодное, гнетущее одиночество после катастрофы. Странное чувство родства шевельнулось под грудой страха.

Я вернулась в дом. Занавеска на окне колыхнулась. Солнечный зайчик пробился сквозь щель, лег на мой черный, штормовой рисунок. На столе лежала одна недоеденная звездочка. Страх все еще сжимал горло при мысли о синеве за окном. Работа над клипом казалась горькой насмешкой.

Но было и что-то еще. Крошечное. Как луч солнца в пасмурный день. Любопытство. К этому месту. К людям. К его истории. К нему. К тому, как его «золотые руки» справлялись с его собственной бездной. И запах миндального печенья, смешивающийся с солью моря, напоминал, что связь – с мамой, с соседями, возможно, даже с этим невидимым Этьеном – это ниточка, за которую можно держаться.

Битва с бездной продолжалась. Но я сделала первый робкий шаг из своей крепости. Не к морю. К людям. И в этом был хрупкий росток надежды и осознания.

Я подошла к занавешенному окну. Рука сама потянулась к ткани. Завтра... Завтра я открою ее наполовину. Всего на половину. И краем глаза заметила – в окне соседского дома,

за густой зеленью, мелькнуло движение. Тень? Или просто игра света? Сердце пропустило удар. Он видел, как я бежала от моря? Видел мой страх?

Я не отдернула штору. Не сегодня. Но завтра... Завтра попробую. И, может быть... просто оставлю у его комнат пару миндальных звездочек. На удачу. Ему. И себе.

Глава 3: Незванный хозяин и его рыжая тень

Тишина дома, ставшая уже почти привычной за это время, взорвалась резким звуком. Не звонок, не стук – грубый рокот старого дизельного двигателя, заглухший прямо под окнами. Хлопок дверцы грузовика. Тяжелые шаги по гравию. Я замерла за планшетом, сердце сжалось, удар пришелся куда-то в район живота:

– Он?

Дверь на кухню распахнулась без предупреждения. Ни стука, ни зова. Просто вошел. И замер на пороге.

Мужчина заполнил проем. Высокий, широкоплечий, в потертых джинсах и темной футболке, из-под которой угадывалась сила, привыкшая к физическому труду. Француз как будто сошел с полотен Эндрю Уайета – лицо с отпечатком утраты и некоего трагизма. Загорелый до черноты, с короткими темными волосами и бородой уже с проседью. Сильный волевой подбородок. И взгляд. Холодный. Оценивающий. Как сканер, прошедший от моих широко раскрытых глаз до босых ног и обратно, задерживаясь на графическом планшете и разбросанных вокруг набросках. В этом взгляде не было ни любопытства, ни приветствия. Только измерение.

Оценка чужеродного объекта на своей территории.

Этьен. Имя уже обросло домыслами после разговора с Клеманами, обрело плоть. И плоть эта была твердой и недружелюбной.

– Пора познакомиться. «Этьен Дюран», — произнес он. Голос низкий, хрипловатый.

– Живу здесь.

Я вскочила, чувствуя себя нелепо в старых джинсовых шортах и майке с пятном от кофе. На голове затянутый карандашом узелок из волос, выпадающие каштановые пряди на лицо. Попыталась улыбнуться, но губы дрогнули, выдавая нервозность.

– Анна... Аня Соколова, – выдохнула я.

– Я... думала, половина совсем пустует. Мсье Рено говорил...

Он не дал договорить. Перешагнул порог, бросил тяжелую сумку с инструментами на пол у стены с такой силой, что задребезжали стекла в шкафчике. Его взгляд скользнул по кухне, зацепился за блокнот с моими угольными набросками моря-бездны, лежащий открытым на диване. На его скулах дрогнула едва заметная эмоция – что-то вроде болезненной гримасы, быстро погасла.

– Пустует? Нет, – отрезал он, не глядя на меня. – Живите. Только не мешайте. И не лезьте в мою часть.

Он кивнул в сторону закрытой двери, ведущей в другую половину дома. Его территория. Неприкосновенная.

В этот момент в проеме двери мелькнуло рыжее пятно. Австралийская овчарка. Кобель, судя по размеру и осанке. Умные, светло-голубые глаза мгновенно оценили меня, застыв на пороге. Настороженность в каждом движении. Ни рычания, ни виляния хвостом – просто взгляд, полный сдержанного наблюдения. Потом он бесшумно проскользнул мимо меня и встал рядом с Этьеном, как тень.

Так началось наше «соседство». Столкновение границ и привычек.

Моя грязная кружка с остатками вчерашнего чая, забытая в раковине. Утром она стояла вымытая и вытертая насухо на своей полке – с убийственной аккуратностью. На столе – моя попытка дружелюбия: коробка с дорогим чаем, пачка кофе, тарелка с печеньем с надписью «Угощайтесь!». К вечеру коробка и пачка были сдвинуты строго к краю стола, будто обозначая невидимую черту. Печенье исчезло.

В ванной его грубое синее полотенце висело на моем крючке, вытеснив мое розовое. На полочке, где стояли мои баночки, появилась его единственная банка мужского геля для душа. А моя косметика была аккуратно сдвинута в угол.

Однажды я торопилась после душа, рассеянно думала о набросках, и, выйдя, забыла кое-что жизненно важное на полу возле раковины: свои черные кружевные трусики и подходящий к ним бюстгальтер. Утром их не было. Ни на полу, ни в моей корзине для белья.

Дверь в мою половину распахнулась без стука. Этьен сто-

ял на пороге. В его вытянутой руке, зажатые большим и указательным пальцами, как что-то неприятное, висели мои забытые трусики и бюстье.

Он бросил белье мне на колени с таким видом, будто избавился от мусора:

– Вот ваши кружева. Убирайте. А то кто-нибудь решит, что это сигнальный флажок и можно смело идти на абордаж.

Его голос был ровным, но в глазах мерцал такой циничный, ледяной огонек, чтобы я дернула плечами.

Горло перехватило. Кровь ударила в лицо таким жаром, что мир поплыл. Я не могла оторвать взгляд от кружев на своих коленях, потом подняла глаза на его каменное лицо. Ни слова. Ни звука не вырвалось из пересохшего горла. Только немое, жгучее унижение и ярость, от которой сжались кулаки.

Он фыркнул – короткий, презрительный звук – и вышел, хлопнув дверью.

Я сидела, сжимая в кулаке злополучное белье, чувствуя, как дрожат руки и горит все лицо. Слов не было. Только стыд, глухой и всепоглощающий, смешанный с диким желанием швырнуть ему эту кружевную пакость в лицо.

На другой день, утром я вышла и чуть не наступила на его разложенные на полу инструменты – он что-то чинил у самого крыльца.

Я раздраженно, еще кипя от вчерашнего унижения с бельем прошипела:

– Можно было предупредить!

Он, не отрываясь от работы, произнес:

– Можно было смотреть под ноги.

Я решила не сдерживаться:

– Мне сказали, вы тут почти не живете!

Этьен медленно поднял голову. В его глазах впервые мелькнуло что-то кроме холодности – едкая усмешка:

– Вас обманули. Теперь буду бывать чаще. Привыкайте.

И снова склонился над своей работой.

Апофеозом стал день в магазине. Небольшой супермаркет в городке. Я набрала продуктов, подошла к кассе.

С милым видом кассирша произнесла:

– Сегодня карты не принимаем.

Я судорожно полезла в кошелек – всего 10 евро наличными. Не хватало ровно три евро на самое необходимое. Паника начала подниматься по горлу. И в этот момент я увидела его. Этьен входил в магазин, его взгляд скользнул по полкам, не замечая меня. Отчаяние пересилило гордость.

– Мсье Дюран! – окликнула я, подбежав. Он обернулся, брови поползли вверх от удивления, быстро сменяющегося привычной настороженностью.

– Извините, пожалуйста... карта не работает. У меня не хватает... три евро. Я дома сразу верну!

Я показала ему на свою скромную кучку продуктов, чувствуя, как горят щеки.

Он посмотрел на продукты. На мои деньги в руке. На мое,

вероятно, жалкое лицо. Ничего не сказал. Просто... развернулся. И пошел прочь. Просто ушел. Оставив меня стоять у кассы, с собирающейся очередью людей и горящими от стыда и унижения глазами перед кассиршей, которая смотрела с жалостливым любопытством.

Я выложила обратно фрукты, йогурты, шоколад, оставив только багет, ветчину, сыр, морепродукты и пачку макарон – ровно на 10 евро. Вышла на улицу. Солнце било в глаза. Шум моря казался издевательским. Я дошла до первой лавочки, села и... заплакала. Тихими, горькими, бессильными слезами. Весь накопленный стресс, одиночество, страх перед морем, его постоянные уколы – все вылилось наружу. Я чувствовала себя последним ничтожеством, загнанным в угол.

Когда слезы иссякли, осталась пустота и ледяная ярость. Я шла домой, сжимая пакет со своей покупкой, как оружие. Так хотелось персиков! А он был там и не помог.

Копался в небольшой мастерской – сарайчике на краю участка, дверь была открыта. Я подошла, остановилась в проеме. Этьен обернулся, увидел мое лицо – заплаканное, но теперь с горящими глазами.

– Что вам надо? – спросил он ровно, откладывая гаечный ключ.

Я не кричала. Говорила тихо, но каждое слово било наотмашь:

– Три евро. Мне не хватило трех евро. Я не просила взаймы. Не подаяния. Я вернула бы. Сегодня же. Вы могли про-

сто сказать: «Нет». Могли помочь. Но вы... вы развернулись и ушли. Как от прокаженной. Я сидела там на лавочке и ревели, понимаете? Из-за вас. Из-за трех чертовых евро и вашей... вашей бесчеловечной реакции! Вы... вы просто камень!

Он слушал. Не перебивал. Его лицо было непроницаемым. Когда я закончила, он взял тряпку, медленно вытер руки.

– Только вот без ваших женских соплей, – произнес он наконец, глядя куда-то мимо меня. Голос был плоским, без эмоций.

– Оставьте их кому-нибудь другому. Не выношу.

В глазах у меня потемнело от ярости. Я ничего не сказала. Просто развернулась и пошла в свою половину. Хлопнула дверь так, что задрожали стекла во всем доме. Решение созрело мгновенно, кристально ясное.

– Переезжаю. Завтра же. Сюда больше ни ногой.

Вечер навис тяжелый, гнетущий. Я лихорадочно собирала вещи, швыряя их в чемоданы. Море за окном шумело глухо, предчувствуя что-то. А потом началось. Сначала ветер завыл в кронах пальм, как раненый зверь. Потом грянул первый гром – не раскат, а оглушительный удар прямо над крышей. Дом содрогнулся.

Вспышка молнии ослепила, и я вжалась в стену, инстинктивно.

Гроза.

С детства боялась. На даче, под старыми липами, мы с мамой боялись их одинаково. Помню, как она быстро-быстро бегала по комнатам, выдергивая все светильники, телевизор, даже чайник из розетки.

– Чтобы молния не ударила, Анечка, – шептала она, закрывая шторы, а потом мы сидели, прижавшись друг к другу в темноте, слушая грохот и молясь, чтобы он скорее стих. Ее спокойствие в те минуты было моим щитом. Теперь щита не было. И свет...

Свет мигнул и не просто погас – вырубился сам, как мины лампы на даче, только не по нашей воле, а по приказу разъяренной стихии. Темнота. И дождь. Не дождь, а водопад, обрушившийся на черепицу, на окна, на террасу. Настоящий шторм Джоэля Ри⁵.

Темнота снаружи слилась с темнотой внутри. Грохот грома бил по нервам. Каждый удар молнии, который озарял комнату на долю секунды слепящим белым светом, выхватывал знакомые предметы – и хаос моего бегства: чемодан, зияющий на полу, вещи, вывалившиеся из него в спешке, – делая их чужими, угрожающими. Но хуже всего было море. Его гул, всегда присутствующий фоном, теперь превратился в рёв. Глухой, яростный, всесокрушающий. Как будто сама бездна поднялась и шла на штурм берега. На штурм меня.

Сердце колотилось, как бешеное. Дыхание перехватило

⁵ Австралийский художник, известный своими сюрреалистичными работами маслом на холсте.

– короткие, хриплые всхлипы вырывались из груди. Темнота воды над головой, холод, паника... Все вернулось. Не память, а ощущение. Я сидела на кровати, обхватив колени, дрожа всем телом. Слезы текли ручьями, но это были не слезы обиды, а слезы чистого, животного ужаса. Она здесь. Бездна. Она пришла за мной. И гроза. Мамы нет. Щита нет.

Дверь в мою комнату открылась. Без стука. В проеме, озаренный очередной вспышкой молнии, стоял Этьен. В руке фонарик, бросающий прыгающие тени на его суровое лицо. За ним маячила рыжая тень Манки. Его взгляд скользнул по комнате – по разбросанным вещам, по открытым чемоданам, по моему трясущемуся на кровати телу. Он едва заметно вздохнул. Коротко. Глубоко. Не осуждение. Скорее... понимание. Или усталое принятие очередной глупости.

– Анна? – его голос пробился сквозь грохот стихии. Не резкий. Нормальный. Человеческий.

Я не могла ответить. Только всхлипнула, зажав рот рукой, пытаюсь подавить рыдания и тряску.

Он вошел. Поставил фонарь на тумбочку. Свет был слабым, но он разгонял кромешную тьму. Он не подошел близко. Остановился в двух шагах.

– Дыши, – сказал он просто.

– Глубоко. Вдох. Выдох.

Я попыталась. Воздух со свистом ворвался в сжатые легкие. Выдох – дрожащий.

– Еще. Медленнее.

Его присутствие было странным якорем в этом хаосе. Он не пытался утешать. Не трогал. Просто стоял. И говорил. Короткие, четкие фразы, пробивающиеся сквозь рев шторма:

– Это пройдет. Шторм к утру стихнет.

Вдох – выдох

– Слушай мой голос. Только голос.

Вдох – выдох

– Дыши. Вдох. Задержи. Выдох. Медленнее.

Вдох – выдох

– Ты в доме. Каменном. Он крепкий. Ничего не случится.

И я слушалась. Дышала. Следила за его голосом, как за спасательным кругом. Манки, не спрашивая разрешения, подошел и лег у моих ног, положив теплую тяжелую голову мне на ступню. Его спокойное, ровное дыхание было еще одним якорем в этом странном ритуале успокоения.

Постепенно, очень медленно, волна паники начала отступать. Слезы высохли. Дрожь стала меньше. Дыхание выровнялось, хотя сердце все еще колотилось, но уже не так бешено. Я сидела, обхватив колени, глядя на свет фонаря, на его неподвижную фигуру в дверном проеме, на теплый рыжий комок у моих ног. Гром гремел уже дальше, дождь стучал, но уже не с такой яростью. Рев моря все еще пугал, но теперь он был... снаружи. Почти как у Бродского, «На заднем плане – пальмы, точно всклокоченные трамонтаной».

– Лучше? – спросил он, когда я наконец смогла поднять на него взгляд.

Я кивнула, не в силах говорить.

– Спи. «Манки останется», — сказал Этьен. И это было не предложение. Он повернулся и вышел, оставив дверь приоткрытой.

Манки вздохнул и устроился удобнее, его вес на моей ноге был удивительно успокаивающим. Я погасила фонарь. В темноте, под аккомпанемент утихающей грозы и сопение собаки, я чувствовала себя... не в безопасности. Но уже не в смертельной опасности. И не одинокой.

Утро пришло тихое. Воздух пах озоном, солью и свежестью. Я вышла на террасу с чашкой кофе. Этьен был уже во дворе, что-то проверял на своем грузовике. Манки лежал рядом, греясь на солнце. Наши взгляды встретились. Никаких извинений. Никаких упреков. Никаких лишних слов. Просто взгляд. Он кивнул. Еле заметно. Я кивнула в ответ. Спокойно. Без напряжения.

Он открыл дверь грузовика. Манки вскочил, готовый к работе. Перед тем как сесть, Этьен обернулся:

– Дверь в мастерскую. Петля скрипит. Вечером починю. И сел. Грузовик заурчал и уехал.

Я осталась стоять с кофе. На душе было странно пусто, но спокойно. Битва не закончилась. Но ночью было перемирие. И Манки, спящий у моих ног, был его неммым договором со мной. И скрипучая петля в мастерской – негласным разрешением остаться.

Глава 4: Шепот и запертая дверь.

Баркарес по утрам пах хрустящими круассанами, морепродуктами и кофе. Солнечный свет обещал легкость, которой у меня внутри не было. Я шла по рынку, пытаюсь впитать эту кажущуюся простоту.

– Bonjour, mademoiselle! – кивал рыбак.

– Ça va? – улыбалась мадам Клод, протягивая багет.

– Ah, la russe! L'artiste! – подмигивал старик у лотка с мидиями и улитками.

Я улыбалась в ответ. Легко. Непринужденно. Как будто моя душа не была изломана горем, а тело не помнило вчерашней дрожи на полу в темноте.

– Расскажи, что видишь за окном? Какая погода? – голос мамы, тихий, но ясный в один из тех редких «хороших» дней, прозвучал в голове, заглушая гомон. Я видела серый февральский Петербург, слякоть.

А я отвечала:

– Солнечно, мам! Птицы поют...

Моя рука лежала поверх ее руки. И это было самое страшное. Не слабость голоса. А руки. Те самые нежные руки... Теперь – сухие, тонкие, как папиросная бумага. Кожа – грубая. Я гладила их, пряча слезы, и чувствовала, как жизнь уходит, минута за минутой.

Сейчас моя улыбка на рынке казалась такой же фальшью. Я кивала, брала продукты, а внутри была пустота, обтянутая пленкой притворства.

Вокруг доносились обрывки слов до моего воспаленного разума. Как чайки над волнами. Поначалу неразборчивые, потом – режущие слух.

–...Дюран? Да, после той трагедии... – мужской голос за спиной у лотка с сыром. Я замерла, делая вид, что выбираю козий сыр.

–...брат... вся история... – женский шепот.

–...и виноват-то... не факт, но... – мужчина снова, тише.

Кровь ударила в виски: «История? Брат? Виноват?»
Этьен? Этот угрюмый... виновник чего? Сердце колотилось уже не от страха перед морем, а от ледящего любопытства и тревоги.

Вопрос появился к голове:

– Почему Клеманы ничего не сказали?

«Сам не свой», «замкнутый» – трагедия могла сделать такое?

Позже, у кафе, я подслушала его разговор с Рено. Он стоял спиной. Я присела за столик, уткнувшись в меню, уши напряжены.

Этьен, сдавленным голосом произнес:

– ...не просил сдавать комнаты женщине. Особенно... такой.

Заискивающе мсье Рено сказал:

–...она заплатила сразу за полгода! Кто откажется? Да и кто еще согласится, вы не пускали туристов, только на долгий срок...

Этьен резко оборвал его:

– Я не хотел такую соседку.

Рено медленно ответил:

– Но она же тихая, художница... Русская, красивая...

Вздыхнув, Этьен попытался пояснить:

– Русская, не русская... Для меня она слишком... девушка. Вещи, запахи... Надо было предупредить заранее.

Смешно фыркнув, мсье Рено решил напомнить ему:

– Но вы же редко бываете дома!..

Не выдерживая этого разговора, Этьен решил поставить точку:

– Предупреждать – ваша работа. Теперь разгребайте. Или я сам это сделаю.

Он резко развернулся и ушел.

Я сидела и не могла понять – «Почему я слишком девушка». Не «слишком она», не «слишком русская». «Девушка». Как категория. Неуместное в его пространстве. И он замечал. Запахи. Вещи. Мою... сущность. А я думала, он видит просто помеху. Оказывается, он видел меня. Это смутило и задело сильнее колкостей. И еще – никто не хотел с ним жить. Я была единственной, купившейся на мечты и свою отчаянную попытку убежать. Наивной дурочкой? Или единственной, достаточно отчаявшейся, чтобы рискнуть?

Обдумывая разговор Этьена с риелтором, я не заметила, как дошла до причала. Здесь стоял запах рыбы, водорослей и яхт. Я увидела Этьена вдалеке. Он разговаривал с рыбаком.

И тут нахлынуло. Все услышанное вплелось в воспоминания о маминых руках. Его слова «слишком девушка». Плеск воды у причала. Удушающий запах сырой рыбы. Бесконечная синева, подмигивающая глубиной. Земля ушла из-под ног. Пустота. Опоры не было. Воздух не поступал. Сердце выпрыгивало. Я согнулась пополам, ухватившись за липкие доски причала. Глухие, хриплые всхлипы. Мир сузился до боли в груди. Сейчас рухну... и там глубина.

– Mademoiselle? Ça va? Elle va mal! Appelez une ambulance! – чей-то испуганный голос.

Потом – крепкие руки под мышки. Не спрашивали. Не утешали. Подняли с колен, как мешок. Другие руки подобрали сумку. Я едва видела сквозь слезы, но узнала запах – масло, металл, и под ними – едва уловимая нота кожи и чего-то горьковатого, сугубо его. Этьен. Его руки были жесткими, рабочими, но в движении – удивительно точными, без лишней грубости. Он нес меня к грузовику. Я почувствовала тепло его тела сквозь рубашку, силу мышц, напряженных под тяжестью – моей и этих окружающих шепотов. Запах опасности и... спасения. Он запихнул меня на сиденье, бросил сумку в ноги. Манки прыгнул сзади. Ни слова. Резкий поворот ключа, рев двигателя.

Я прижалась лбом к холодному стеклу, всхлипывая. Уни-

жение. Сломленность. Но сквозь них – мимолетное ощущение безопасности в этой металлической кабине, в его молчаливом присутствии, парадоксальное и тревожное. Он мог пройти мимо. Не стал. Он молчал всю дорогу. Молча помог выйти у дома. Молча передал сумку. Просто кивнул в сторону моей двери и пошел к мастерской. Но прежде, чем развернуться, его взгляд – быстрый, острый – скользнул по моему лицу, еще мокрому от слез, и в его глазах мелькнуло нечто неуловимое – не раздражение, а скорее... усталое понимание. Или досада на собственную вынужденную роль спасителя.

Я зашла, опустошенная. Бросила сумку. Прислонилась к стене. Гул моря. Неровное дыхание, но уже отпустило. Прошла в холл. И – замерла.

Дверь в его половину... была приоткрыта. Не нараспашку, но щель зияла – он, в спешке, не захлопнул ее.

Сердце забилося по-новому. Не от паники. От запретного любопытства, острого и живого. Я подкралась к щели, чувствуя себя вором, но и – исследователем. Заглянула.

Не логово чудовища. Пустота. Большая комната: гостиная. Минимализм, граничащий с аскетизмом. Голая бетонная стена с крючками – несколько рабочих рубашек. Простой стол. Один стул. Полупустая полка: технические справочники, пачка старых газет. Ни картин. Ни безделушек. Ни следов жизни. Только работа: ящик с инструментами, чертежи, запах металла и масла. И чистота. Стерильная, выскоб-

ленная чистота.

Но взгляд уперся в другую дверь. Внутри его половины. Массивная, деревянная, с тяжелым старым замком. Запертая. Она резала глаз своей неправильностью на фоне пустоты. Что там? Мастерская? Спальня? Или...?

– Всегда любила жуткие сказки, Анечка, – вспомнился мамин голос. Почему не Золушка?

– Клин клином, мамочка. Страшно – значит интересно. Теперь этот «клин» висел передо мной.

– Но это не сказка, – пронеслось в голове.

Это реальность человека, о котором шепчутся за спиной. Я вглядывалась. У замка – глубокая царапина, будто от отчаянного рывка. От щели веяло не сыростью подвала, а странной, едва уловимой прохладой и запахом, не похожим на масло – старая пыль? Лекарства? И тишина за ней была не просто пустотой, а густой, натянутой, словно там что-то замерло и ждало.

Легкий шорох. Я обернулась. В дверном проеме стоял Манки. Не подходил. Не вилял хвостом. Стоял и смотрел. Умными, глубокими глазами. Видел мое любопытство, страх, немой монолог у двери. И словно... взвешивал. Запоминал, чтобы передать?

– Ну что, Манки? – прошептала я, голос хриплый после рыданий, но в нем пробивалась нотка дерзости.

– Доложишь? Что русская совала нос куда не надо?

Собака наклонила голову набок. Рыжий хвост едва дрог-

нул. Вопрос?

Я выпрямилась, глядя в эти слишком понимающие глаза. Унижение от причала, страх перед тайной – все это сжалось внутри в тугой, горячий комок решимости.

– Скажи ему, – голос окреп, – что запертые двери...

Я бросила последний взгляд на щель, на ту массивную створку в глубине.

–...они для меня как красная тряпка. Я пережила слишком много, чтобы бояться еще и этого. Пусть готовится.

Манки не отвел взгляда. Он тихо, глубоко вздохнул, словно что-то обдумал и принял решение. Не виляя хвостом, он развернулся и ушел, цокая когтями по плитке. Оставив меня наедине с шорохом моря, запахом его пустых комнат, со щелью в двери и тайной за запертой створкой.

Ощущение было странным: не страх, не опустошение. Азарт. Словно я, только что сломленная на причале, только что пережившая унижение спасения, перешла черту. Не к морю. К человеку. К его тайне. И Манки, этот немой рыжий страж, теперь был не просто соглядатаем. Он был свидетелем моего вызова. Битва с бездной обрела новое, острое, человеческое измерение.

Глава 5: Тень на песке

Жизнь в двух половинах одного дома обрела странный, нервный ритм. Неприятие сменилось хрупким перемирием, где главным оружием стали молчание и... мой маниакальный контроль. Я превратилась в фанатика чистоты. Ни одной забытой кружки в раковине, как раньше. Ни волоска в сливе ванной. Мои баночки выстроились «солдатыками» в углу полки, его гель – в его стороне. Граница проходила по швам кухонной плитки, по невидимой линии в холодильнике (низ – мой, верх – его, несмотря на пустоту). Даже общение свелось к запискам. Коротким, деловым.

«Свет на кухне мигает. Предохранитель?»

«Грузовик мешает выходить с велосипедом. Подвиньте, пожалуйста.»

Ответа не было. Но свет перестал мигать. Грузовик утром стоял аккуратнее. Молчаливое признание правил. Холодное перемирие.

Однажды ночью, зная его ранние подъемы, я на цыпочках прокралась на кухню. Замесила тесто для яблочного пирога по маминому рецепту – тот самый, что пах детством и безмятежностью, когда мир еще не рушился. Пока он пыхтел в духовке, наполняя дом сладким обещанием, я схватила уголь. Сделала быстрый набросок Манки. Поймав его ум-

ный, настороженный взгляд, привычку слегка наклонять голову. Оставила рисунок рядом с дымящейся кружкой крепкого кофе – таким, каким он любил (подслушала однажды его ворчание: «Крепкий, чтобы скулы сводило»).

– Маленький мостик, – подумала я, пряча дрожь в руках. Хотя бы к собаке.

Утром обнаружила кофе выпитым. Пирог... нетронутым. Рисунок лежал рядом, аккуратно сложенный пополам. Чистым листом внутрь. Укол. Точечный, но ледяной. «Слишком лично. Слишком... девушка». Стыд обжег щеки. Я схватила еще теплый пирог и понесла к Клеманам, как улику. Они приняли с восторгом, усадили под виноградной лозой.

– О, мадмуазель Анна, вы ангел! – воскликнула мадам Клеман, откусывая кусочек.

– Такой аромат детства! Этьену не досталось?

– Он... не голоден, видимо, – ответила я, глотая комок в горле, стараясь, чтобы голос не выдал жгучего унижения.

Мсье Клеман хмыкнул, поправляя очки.

– Удивительно. Обычно после пары дней – срывается, уезжает куда-нибудь подальше. А тут... задержался. Уже столько дней, постоянно в доме. Непорядок.

Он многозначительно посмотрел на жену.

– Да уж, беспорядок, – кивнула мадам Клеман, ее глаза блеснули лукаво.

– Раньше дом для него был... как пристанище призрака. Забежит переждать бурю в душе – и снова в море. А теперь...

Она оставила фразу висеть в воздухе.

Из-за меня? Мысль ударила нелепо и резко. Нелепость! Он терпит меня. Как неудобный, пыльный комод в углу прихожей, о который все спотыкаются. Я отпила кислого лимонада, чувствуя себя еще более чужой и неуместной, чем этот комод. Пирог внезапно показался пресным.

Вечером я билась с графическим планшетом, пытаюсь оживить светящихся рыб для клипа, но море на экране упорно превращалось в черную угольную бездну моих набросков. Вдруг – шаги на кухне. Не его тяжелые, уверенные, а какие-то... неуверенные. Озадаченные. Я замерла, потом выглянула.

Этьен стоял у стола, открывал шкафчики, заглядывал в хлебницу. Его движения были редкими, неловкими – обычно он знал каждую крошку в этом доме.

– Ищете что-то? – я замерла в дверном проеме, понимая, что сердце колотится в бешеном ритме.

Он обернулся. Не хмурый. Озадаченный. Его взгляд скользнул по мне, потом по пустому столу, будто ища ответ там.

– Пирог, – произнес он коротко. Голос был ровным, без привычной колкости. Просто факт.

Я остолбенела.

– Пирог? Тот... яблочный?

Он кивнул, продолжая осматривать кухню взглядом, как будто пирог мог спрятаться за чайником.

– Да. Утром опаздывал. Не успел. Думал... вечером. Он где?

В его тоне не было тени досады или раздражения. Только констатация факта.

Во мне что-то оборвалось и тут же взлетело. Я засмеялась, коротко и нервно, закрыв лицо рукой.

– Боже, я идиотка! Я подумала... раз вы не стали кушать утром... и отнесла Клеманам. Весь.

Он замер. Брови чуть поползли вверх. Не гнев. Глубокое удивление. Он слегка щелкнул языком.

– Понятно.

Одно слово, но в нем – целый мир невысказанного.

– Я... я сейчас! – выпалила я, чувствуя прилив лихорадочной энергии. Он хотел МОЙ пирог!

– У меня есть креветки! И паста! Быстро приготовлю пасту с морепродуктами! Пятнадцать минут! А пирог потом...

Я уже метнулась к холодильнику, не дожидаясь разрешения, не веря в эту внезапную возможность сближения.

К моему потрясению, Этьен не ушел. Оперся о дверной косяк, сложив руки на груди. И смотрел. Как я чищу креветки, режу чеснок невероятно тонко, ставлю воду для пасты. Молча. Но это не был его привычный, колючий, оценивающий взгляд. Это было пристальное наблюдение. Как за сложным, вдруг заинтересовавшим механизм, чью работу пытаешься понять. Манки улегся у его ног, уставившись на меня с тем же научным любопытством.

Я старалась изо всех сил. Ловко (надеюсь!) орудовала ножом и сковородой с шипящими креветками на масле с чесноком и перцем чили, откидывала пасту. Аромат – чесночный, морской, теплый, живой – заполнил кухню, вытесняя запах страха. Я чувствовала его взгляд на своей спине, на руках, на каждом движении. Это не было некомфортно. Было... странно значимо. Как будто я впервые за долгое время делала что-то настоящее, видимое. Я положила пасту в две тарелки, щедро посыпала свежей петрушкой. Поднесла ему, как мирный договор.

– Попробуйте. Должно быть вкусно.

Мой голос слегка дрожал.

Он взял тарелку. Кивнул. Не «спасибо». Просто кивок. Ушел к себе. Но дверь не захлопнул. Оставил приоткрытой. Щель. Я села за стол с дрожащими руками, слыша, как он отодвигает стул у себя. Мы ели. В тишине. Но тишина эта была другой. Не враждебной. Не пустой. Насыщенной ароматом еды, которую я приготовила, и которую он... принял. Маленькая победа над безмолвием. Казалось, страх отступил. Хотя бы на кухне. Хотя бы на время.

Но страх не победить так легко. Он только притаился, выжидая момент для контрудара.

Назавтра солнце било в окна с такой силой, что казалось, выжигает все тени и сомнения. Море сияло бирюзой, зовущей и обманчивой. «Живи. Чувствуй. Перестань бояться» – мамин голос звучал настойчиво, подогретый вчераш-

ним успехом.

– Если я смогла накормить его, смогла пережить этот взгляд... Может, смогу и это?

Призрачная уверенность подтолкнула меня. Просто подойти. Постоять у кромки. Всего шаг.

Я спустилась по тропинке к пляжу. Песок обжег босые ступни. Первые шаги были твердыми. Потом менее уверенными. Потом... ноги стали превращаться в ватные столбы. Шум волн нарастал. Не гул, а конкретный, физический звук – накат, шипение отступающей воды. Как тогда. Звук вошел в виски, вцепился в барабанные перепонки.

Один шаг. Всего один шаг к теплой воде... И БАМ.

Холодный дождь сек по лицу. Черный гроб. Священник. Крематорий. Земля уходит из-под ног ОБВАЛОМ. Руки подхватывают... Запах. Запах моря, влажного песка, соли – слился в носоглотке с призрачным, но отчетливым запахом мартовского дождя на похоронах, запахом сырой земли и траурных цветов. Остается только черная дыра в груди и ледяная пустота, засасывающая все.

Песок под ногами поплыл, превратился в зыбучий ил. Каждый шаг – пытка. Шум волн заглушил все – он был внутри, грохотал в висках, как кровь при падении. Синева моря поплыла, закрутилась воронкой. Стала темно-зеленой. Холодной. Надвигающейся. Тьма. Холод. Никто не видит. Никто не поможет. Мамы больше нет.

– Нет! – хрипло вырвалось, но было лишь мычанием. Воз-

дух перестал поступать. Сердце колотилось, рвалось из клетки груди. Глаза заволокло черной пеленой. Я согнулась, рухнула на колени, потом на четвереньки. Песок прилипал к ладоням, к лицу, забивал рот. Я задыхалась, судорожно хватая ртом соленый воздух, который не наполнял легкие. Трясло, как в лихорадке. Мир сузился до пятна мокрого песка подо мной и всепоглощающего ужаса. Бездна. Она здесь. Она взяла меня.

– Мамочка!

Где-то вдали, сквозь рев в ушах, слышались голоса. Испуганные. Крик о враче. Но это был шум из другого мира.

Инстинктивно, судорожно, я отползла. Подальше от воды. К сухому, горячему песку. Дрожь не отпускала. Слезы текли ручьями, смешиваясь с песком на губах. Унижение. Стыд. Сломленность. Моя слабость обнажилась перед всем миром.

И тут краем затуманенного зрения я увидела. Наверху, у начала нашей тропинки. Две фигуры. Этьен. Манки. Они стояли неподвижно, как изваяния, наблюдая. Он не спешил на помощь. Не звал. Не выражал ни жалости, ни раздражения. Его лицо – непроницаемая маска в лучах солнца. Тень от кепки скрывала глаза. Одна рука была сжата в кулак за спиной. Манки сидел рядом, настороженно, ухо подрагивало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.